

«У твоего возлюбленного когда-нибудь найдётся день, когда его не будет дома.»

«Чем ты отличаешься от того предателя Цао?»

Рука Фу Синъюня, сжимавшая телефон, застыла, после чего он набрал номер.

Секретарь на том конце провода, только что вернувшийся домой после свидания, взглянул на экран телефона и поспешно ответил:

— Босс.

Фу Синъюнь:

— Помоги мне кое с чем разобраться.

Час спустя трендовые хэштеги в Weibo были заменены, а по поисковым запросам выдавались лишь текст и несколько размытых кадров с камер наблюдения.

На следующее утро Линь Цюн сидел за столом и завтракал вместе с другим человеком.

— Завтра я уезжаю в съёмочную группу.

Фу Синъюнь взглянул на него и равнодушно произнёс:

— Хм.

Линь Цюн смотрел на собеседника:

— Тебе нечего мне сказать? Например, «береги себя» или «счастливого пути»?

Мужчина помолчал довольно долго, прежде чем наконец произнёс:

— Не забудь закрывать дверь номера.

Линь Цюн: ?

— Лучше обезопаситься, — Фу Синъюнь слегка кашлянул. — Мало ли какие вору могут заявиться.

Линь Цюн, доедая кашу, пояснил:

— Не беспокойся, в отеле хорошая система безопасности. Посторонних без регистрации не пропускают. Какие уж там вору?

Фу Синъюнь многозначительно посмотрел на собеседника.

Как тот самый Цао-предатель.

После завтрака Линь Цюн начал собирать чемодан. К счастью, поездка рассчитана всего на неделю, так что одежды набралось не слишком много.

Фу Синъюнь равнодушно скользнул взглядом по заранее собранным вещам, стоявшим у двери:

— Уже уезжаешь?

Линь Цюн вытер со лба пот:

— Завтра. Просто пока есть время, решил подготовиться.

Фу Синъюнь:

— Так не терпится?

Линь Цюн дёрнул бровью:

— Что ты!

Затем притворно вздохнул с болью в голосе:

— Расставание с тобой — самая мучительная вещь в моей жизни.

Затем, порхая как пёстрая бабочка, он подлетел к Синъюню:

— Послезавтра мы расстанемся, и неизвестно, когда снова увидимся.

Фу Синъюнь:

— Через семь дней.

— Нет.

Фу Синъюнь нахмурился:

— Разве ты не говорил, что уезжаешь всего на неделю?

Линь Цюн покачал головой:

— Это не просто семь дней.

Затем он поднял руку и сжал у груди воображаемое сердце:

— Моя тоска по тебе не измерится количеством дней. Дни без тебя тянутся как годы, но ничего, я буду крепко хранить твой образ в памяти.

Внезапно в душе Фу Синъюня зародилось смутное предчувствие.

— Ты можешь не продолжать.

Линь Цюн с недоумением:

— Если я не скажу, как же ты узнаешь, как сильно я по тебе скучаю? Хотя тебя не будет рядом, но...

Фу Синъюнь:

— Хватит.

— Ты всегда будешь жить в моём сердце.

— .....

Вечером Линь Цюнь лежал в постели, просматривая сообщение от Ван Чэна.

«Завтра поднимайся пораньше, выезжаем ровно в пять утра.»

Линь Цюнь удивился:

«Зачем так рано?»

«Визажисты и костюмеры приходят заранее, мы обязаны быть там одними из первых.»

Линь Цюнь:

«Ага», — взглянул на время и выключил телефон, погружаясь в объятия сна.

На следующее утро он поднялся ни свет ни заря, сначала зашёл на кухню приготовить Фу Синъюню сэндвичи на завтрак, и лишь затем вышел из дома.

Из-за готовки он немного задержался, поэтому выбежал из виллы с чемоданом, словно ураган, и запрыгнул в тот самый выдавший виды, но ещё бодрый микроавтобус.

Ван Чэн, глядя на его запыхавшийся вид, спросил:

— Что так мчался?

Линь Цюнь, тяжело дыша, ответил:

— Боялся опоздать.

Ван Чэн взглянул на время — было лишь пару минут шестого:

— Ты что, проспал?

— Нет, — Линь Цюнь покачал головой. — Готовил завтрак.

Ван Чэн изумился:

— Ты, уезжая спозаранку, ещё и умудрился ему завтрак приготовить?

Линь Цюнь лишь недоуменно пожал плечами:

— А что такого?

Ван Чэн заметно повысил голос:

— Это он тебя заставляет?

— Нет, я сам решил приготовить.

Ван Чэн смотрел на него затуманенным взглядом:

— И зачем тебе это надо?

Раньше Линь Цюн, конечно, бывал невыносим, но всё же был тем ещё белоручкой, который пальцем о палец не ударит.

А теперь этот белоручка стирает и готовит для кого-то другого. Ван Чэну стало немного грустно от этой мысли — действительно, люди меняются.

Взгляд собеседника выдавал лёгкую жалость, что Линь Цюн сразу заметил:

— Почему ты на меня так смотришь?

Ван Чэн:

— Тебе самому не обидно?

Линь Цюн покачал головой:

— Вовсе нет.

— Почему?

— Потому что я стремлюсь к деньгам.

— Ну и что с того? Разве такая жизнь каждый день делает тебя счастливым?

— Да, вполне.

Ван Чэн взмахнул рукой:

— Это не настоящее счастье.

Линь Цюн:

— Я получаю по пятьдесят тысяч в день.

Ван Чэн: — Ладно, забудь.

Его ежемесячная фиксированная зарплата составляла всего пять тысяч. Жалеть кого-то другого было бессмысленно — лучше себя пожалеть.

Они доехали до соседнего города, и к семи утра уже были в гостинице.

Только выйдя из машины, они столкнулись с вернувшимся с утренней пробежки мускулистым фотографом.

Увидев Линь Цюна, тот очень обрадовался и взволнованно замахал рукой:

— Братишка!

Линь Цюн повернулся на голос и увидел нечто ярко-зелёное.

На фотографии была поразительно яркая шапка цвета сочной петрушки.

Линь Цюн на мгновение застыл, а затем поприветствовал:

— Привет.

Довольный фотограф подошёл к нему, обнял и с лёгкостью приподнял его над землёй:

— Сколько лет, сколько зим!

Если посчитать, прошло больше месяца.

Линь Цюна сжали так, что он забился, как выброшенная на берег рыба:

— Ты... совсем не изменился. Всё такой же сильный.

Мускулистый фотограф ответил взаимностью:

— Братец, ты тоже.

Шапка была настолько яркой, что Линь Цюн вынужден был с силой покачать головой, чтобы отвлечься:

— Ты с утренней пробежки?

Фотограф кивнул:

— Последние несколько дней я постоянно бегаю.

Затем взволнованно добавил:

— Братец, я видел тебя в новостях — это было просто невероятно круто!

Услышав это, Линь Цюн смутился:

— Братец, оказывается, ты бегаешь по вечерам.

Линь Цюн неуверенно ответил:

— Можно и так сказать.

Тут же он услышал разочарованный голос собеседника:

— Жаль, что я не бегаю по ночам, не смогу составить тебе компанию.

Ван Чэн, стоявший рядом, с недоумением спросил:

— Почему?

В следующее мгновение фотограф с серьёзным видом произнёс:

— Вечером слишком много соблазнов, а вот утренние сяолунбао* куда больше мне по душе..

«.....»

— Но я уже много дней подряд бегаю по утрам и уверен, что моё тело становится всё лучше. Ты так не думаешь, братец?

— Конечно! — Тон Линь Цюна был полон уверенности. — Самозелёные люди самые

устрашающие.

Ван Чэн: «.....»

Поболтав ещё немного с фотографом, Линь Цюн поспешил на грим, а затем на съёмочную площадку.

Режиссёр и продюсер, склонив головы, о чём-то разговаривали. Заметив Линь Цюна, продюсер оживился.

— Ты здесь, Линь Цюн, иди сюда.

Увидев его жест, Линь Цюн быстро подошёл.

Режиссёр внимательно оглядел его с ног до головы:

— Это тот человек, которого вы выбрали?

Продюсер:

— Именно так, его зовут Линь Цюн.

Режиссёр:

— Внешность подходящая.

Затем, глядя на Линь Цюна, спросил:

— Читал сценарий по дороге?

— Читал.

— Хотя твой персонаж и второстепенный, но он — первая любовь героя. Сцен немного, но они важные.

Затем режиссёр, глядя на молодого человека перед ним и опасаясь, что тот возгордится, добавил:

— Тебя выбрали лишь потому, что тебе немного повезло больше других. Если сыграешь плохо, у съёмочной группы достаточно времени, чтобы в любой момент заменить тебя.

Линь Цюн:

— Я прекрасно понимаю.

Режиссёр:

— Ты всё понял по сценарию?

Линь Цюн кивнул без раздумий:

— Всё понял.

Режиссёр усмехнулся: вот наглец.

— Тогда я опрошу тебя: у персонажа уже есть любовь с внезапно появившимся главным героем, так почему же он не может забыть соседского старшего брата, которого ты играешь и который умер много лет назад?

Линь Цюн:

— Потому что он был первой любовью героя, той самой чистой и яркой лунной дорожкой в её сердце.

Режиссёр:

— И это всё?

Линь Цюн покачал головой:

— Конечно, нет.

Режиссёр:

— Ну тогда и из-за чего ещё?

— Белая луна называется белой луной именно потому, что этот человек незаменим в сердце.

Линь Цюн продолжил:

— Возможно, друг детства не сможет победить внезапно появившегося героя, но мёртвый друг детства непобедим. Он побеждает, даже не сражаясь.

«.....»

Звучит весьма убедительно.

Продюсер многозначительно посмотрел на режиссёра:

— Я выбирал людей, можешь быть спокоен.

Режиссёр ещё раз взглянул на Линь Цюна:

— Действительно, подходит. А как насчёт актёрской игры?

На этот раз, прежде чем Линь Цюн успел открыть рот, продюсер продолжил:

— Мы с заместителем режиссёра лично присутствовали на пробах и всё проверили.

Режиссёр с недоумением посмотрел на Линь Цюна:

— У тебя хорошая внешность и есть актёрские способности. Даже если ты не звезда, у тебя должна быть некоторая известность. Не быть узнаваемым — это странно. Неужели к тебе не обращались с предложениями сниматься?

Линь Цюн:

— Обращались.

— Тогда почему я не видел тебя в каких-либо сериалах?

— Потому что я в них не снимался.

«.....»

Продюсер, стоя рядом, пояснил:

— Не хочет идти на компромиссы.

Линь Цюн покачал головой.

— Съёмочная группа была плохой?

Линь Цюн:

— У меня на то были свои причины.

— Какие причины?

— Хотел сыграть живого человека.

«.....»

Режиссёр больше не стал расспрашивать:

— Ладно, сегодня у тебя мало сцен, можешь постоять рядом и посмотреть, чтобы прочувствовать атмосферу. Завтра начнутся съёмки.

Линь Цюн тоже ничего не спросил, развернулся и направился к монитору.

Продюсер тихо сказал режиссёру:

— Он не подведёт. Характер у него тоже хороший — несколько дней назад это он спасал людей в той новости. Думаю, никаких сюрпризов не будет.

Этот режиссёр был старым упрямцем и обычно не слишком любезен с новыми актёрами. Только после того, как с ним сблизались, он мог изредка удостоить кого-то улыбки. Продюсер не стал рассказывать ему о внезапном исчезновении трендового хэштега — в конце концов, Линь Цюн был неизвестен, и сейчас никто не знал, кто на самом деле стоял за снижением популярности.

К девяти вечера Линь Цюн вернулся в отель. Приняв душ, он лёг на кровать играть в игры, но из-за лагов решил подождать и одновременно поболтать с Фу Синъюнем по голосовой связи.

Вызов прошёл несколько гудков, прежде чем был принят, и с той стороны раздался мужской голос:

— Что случилось?

Линь Цюн, лёжа на животе, ответил:

— Ничего, просто позвонил поболтать. Моя работа на сегодня закончилась.

С другой стороны последовало равнодушное:

— Мг.

Линь Цюн нахмурился:

— Почему ты не спрашиваешь, как прошёл мой рабочий день?

Фу Синъюнь:

— Как прошёл твой рабочий день?

— ..... — Линь Цюн: — Всё прошло гладко, но я скучаю по дому. Мне так его не хватает.

Мужчина на мгновение замолчал:

— Чего именно?

— Массажной ванны.

Произнеся это, Линь Цюн осознал, что случайно выдал свои истинные мысли, и поспешил исправиться:

— Но по тебе я скучаю ещё сильнее.

Фу Синъюнь произнёс:

— Это уже второстепенно, да?

Линь Цюн удивился:

— Конечно нет! Разве ты не знаешь, как я тебя люблю? Что уж там массажная ванна — даже если бы пришлось выбирать между тобой и всем миром, я бы всё равно выбрал тебя.

Затем он взглянул на телефон:

— Ладно, пока, игра начинается.

Примечание:

*Сяолунбао — традиционные китайские паровые пирожки, часто употребляемые на завтрак.

<http://bllate.org/book/12640/1121121>